

Долгов Вячеслав Геннадиевич

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова
slavapprav@gmail.com**ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ Л. УЛИЦКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ «СЕМЕРО СВЯТЫХ ИЗ ДЕРЕВНИ БРЮХО»)»**

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности художественного осмысления феномена юродства в пьесе Людмилы Улицкой «Семеро святых из деревни Брюхо». Учитывается специфика народного восприятия юродства, на которую опирается автор, разделяя институт блаженных и юродивых. Анализируются особенности образной системы и идейно-тематического своеобразия произведения.

Ключевые слова: юродивый, блаженный, система персонажей, идейно-тематическое своеобразие, конфликт.

На презентации книги «Русское варенье и другое» в Москве в феврале 2008 года, в состав которой вошла и данная пьеса, Людмила Улицкая сообщила о документальном характере произведения, содержание которого основано на реальных событиях, происходивших в селе Пузо Нижегородской области. *«В начале 90-х годов была издана книга, написанная священнослужителем, который собрал рассекреченные материалы, связанные с гонениями в 1917 году на около церковных людей – нищих, юродивых и блаженных. Их убивали, сажали в тюрьмы – подобная трагедия произошла и в деревне Пузо, которая в книге получила название Брюхово»,* – рассказала автор [4].

Официально произведение позиционируется как «отчасти сюрреалистическая история о том, как сосуществуют грех и святость посреди разгрома и ужаса России периода коллективизации». Действие в пьесе концентрируется вокруг дома блаженной Дуся, однако за счет пролога и эпилога¹⁸, появившихся во второй редакции произведения, подчеркивается актуальность центральной проблемы оскудения святости и для современной России. Мотивы святости, духовного подвига, крови, пьянства, безбожия и власти, заявленные в прологе, станут лейтмотивами всей пьесы и, повторившись в эпилоге, замкнут кольцо времен.

В интервью Александру Вознесенскому Людмила Улицкая призналась: *«Материал, который попал мне в руки, был совершенно потрясающий. Явление юродства на Руси отражено в литературе очень ярко. Само явление – уникальное, очень глубинное и корневое. Мне очень хотелось к нему прикоснуться»* [6]. Примечательно, что типично русская особенность сочленения греха и святости, духовного величия и греха, плотского низа в авторской интерпретации бесчинств молодой советской власти требует обращения к уникальному явлению русской культуры – юродству, которое и является предметом нашего внимания в данной статье.

Центральной фигурой произведения становится блаженная Дуся, дом которой, как уже отмечалось, станет своеобразным центром притяжения. Известно, что прототипом ее является Евдокия Шикова¹⁹, канонизированная Русской Православной Церковью в 2000 году. Прославившаяся в подвиге юродства Христа ради Евдокия в пьесе представлена блаженной. В качестве собственно юродивой выступает Маня Горелая. Следует отметить, что слово *блаженный*, первоначально использовавшееся для обозначения юродивого, функционировало в древней и средневековой Руси в значении «хороший, благополучный, счастливый», а также «усопший, покойный» (как обозначение святого) [8: 36]. На современном этапе в литературном языке лексема *блаженный* используется в значении «в высшей степени счастливый» (блаженно, блаженство, блаженствовать), разговорный вариант — в значении «глуповатый, чудаковатый» (*блажененький*; первоначально «юродивый»). Замечаем, что к настояще-

¹⁸ Включение пролога и эпилога автор назвала «уступкой публике», к которой она прибегла после постановки пьесы в Фрайбурге, Москве и Тюмени. Эти композиционные элементы Людмиле Улицкой не представляются необходимыми, решение использовать их или нет, по ее мнению, в каждом отдельно взятом случае должен принимать режиссер.

¹⁹ В книге «Мироносицы в эпоху ГУЛАГа» отмечается, что настоящая фамилия Евдокии ШейкОва, о чем свидетельствуют как ее родственники, так и как жители села Суворово (Пузо). Утверждается, что неверное написание фамилии появилось в церковных источниках вследствие неправильной расшифровки имени святой в рукописях В. И. Долгановой.

му времени семантика слова *блаженный* сдвинулась: это или одна из степеней святости, или тихое помешательство. Связи, установленные на лексическом уровне, как выяснится позже, не единственное, что будет сближать внешне противопоставленных героинь («*И была между нашими блаженными вражда*» [9: 9]).

Ключевые характеристики неходячей Дуси (отметим, что развитию культа юродивых на Руси способствовал и культ калик, а в народе «поврежденность» воспринималась как отмеченность Богом, что отчасти отражает этимология слова юродивый²⁰) в экспозиции дает Голованов: «*блаженная Дуся*», «*неходячая*», «*провидица*», «*целительница* («...одной богатой барыне сына исцелила») [9: 9]. Вслед за ней представляет и «*примечательную особу*» — Маню: «*беспримерная ругательница*», «...ясновидящая: все знала про всех, и прошлое, и будущее», «...на улице жила. Ни дома, ни двора» [9: 9]. Данный набор характеристик по ходу развития сюжета будет конкретизироваться и дополняться. Отталкиваясь от него, обратимся к определению оснований для разделения блаженной и юродивой.

Как кажется на первый взгляд, их объединяют сверхчеловеческие возможности: дар прозорливости, чудотворения, целительства, которыми нередко наделяются адепты различных чинов святости, угодившие своей подвижнической деятельностью Богу. Однажды Дуся смогла воскресить ребенка (следование Христу — одна из *отличительных* черт юродства). Но утопший мальчик, воскресенный блаженной, через год «обратно утоп» [9: 14].

Блаженная отличается привязанностью к «вещному миру». Дуся в родном Брюхе живет в доме, купленном благодарной барыней, с хожалками, которые должны выполнять любую ее прихоть. Обложенная подушками в «*келье*» (так она называет часть комнаты с кроватью), принимает подарки, любит платки, которых у нее множество, «*даже и золотого шитья*» [9: 11]. В то время как парадигма юродства предполагает отверженность всего, что связано с миром «дольным». Поэтому Маня Горелая подчеркнута бездомна и связана с пограничным пространством крыши и кладбища. Презрение к комфорту, различным благам и богатству накладывает отпечаток даже на внешний вид — юродивая ходит босой и обходится минимумом ветхой одежды, которая не способна спасти ее от зимних морозов.

Аскеза юродивой сочетается с необходимостью «умерщвления» плоти — источника греха. Что заставляло многих подвижников, как, впрочем, и Маню, носить вериги, причинявшие невыносимую боль каждую минуту существования и заставлявшие еще больше заботиться о возвышении духа.

Юродство, как «противуканонический» чин святости, предполагал «*подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения*» [7: 155]. За внешне бессмысленными действиями, поступками, высказываниями Мани скрывается сокровенный смысл, постичь который сразу невозможно. Маску безумца юродивый обычно надевает, с определенной целью: будь то стремление избежать почитания, которое чревато гордыней, будь то нивелирование ложных, мирских ценностей. В то время как Дуся, пережившая глубокую личную драму, похоже, реально «повредила умом». Возлюбленный Прокл про-

---

²⁰ Слово «юродивый» возникло в общеславянский период. В «Этимологическом словаре» Фасмера сказано: «Юродивый, др.-русск. ЮРОДИВЪ, начиная с XIV в. До этого — УРОДИВЪ. Согласно Соболевскому, связано со ст.-слав. Жродъ *ὑπερήφανος*» [9, 4:534]. И далее: «Урод — др.-русск. УРОДЪ «слабоумный», «юродивый» [9, 4:168]. Древнерусское «оуродъ» происходит от слова «род» с отрицательной частицей. П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» поясняет: «Русская, восточнославянская форма — урод —, из у- — приставки, обозначающей «ущербность», «недостаток», «убыль», «уменьшение»... и корня род-» [10, 2:461]. По сути то же объяснение, но более обстоятельное, находим у иеромонаха Алексия, который отмечает, что «смысл частицы *iu* (оу и ю) будет означать «всё то, что мало пѣнится, чего можно не знать, от чего можно убѣгать». Частица *ou* (древний большой юсь) означает — отдѣленность, отходъ отъ чего нибудь. *rodъ*; санскритское *rudh* — подниматься, расти» [3:59]. Владимир Даль дает такое определение слова «юродивый»: безумный, божевольный, дурачокъ, отроду сумашедшій. При этом он разделяет народное и церковное восприятие, отмечая, что «народъ считаетъ юродивыхъ Божьими людьми, находя нерѣдко въ безсознательныхъ поступкахъ ихъ глубокой смыслъ, даже предчувствіе или предвѣденіе», а церковь признает «и юродивыхъ Христа ради, принявшихъ на себя смиренную личину юродства», в церковном же значении [2, 4: 669]. Показательно, что исследователь разделяет юродивых «отроду», т.е. «уродов» в древнем смысле этого слова, и «Христа ради».

пал до венчания; «...все, с тех пор и не вставала я на мои ноженьки», — объясняет причины своего недуга блаженная. Однако детали, например, белый платок, повязанный на манер фаты, куклы, которых она называет деточками, свидетельствуют о том, что блаженная явно не в себе. Отметим, что Е. Беленсон разделяет «органическую, дефективную «юродивость» (слабоумие, недоразвитость)» и мистическое юродство, которое, в свою очередь, делится на два типа: «блаженнейших» и святых. Первую ступеньку юродивого пути Беленсон видит именно в слабоумии и недоразвитости; поврежденность, по ее мысли, является предпосылкой Благодати, «дефект обращается в положительное условие роста духовного» [1: 89-98].

Аскет, принявший подвиг юродства, отрекается не только от всего мирского, но и обрубают родственные связи. На фоне Дуси, постоянно возвращающейся к своей «вдовьей» доле, «деточкам», Маня Горелая представлена свободной: отречение от «горизонтальных» связей призвано усилить связь «вертикальную» — с Богом. В финале произведения выяснится, что Маня — это сбегавший из под венца Прокл. Данный прием травестики отсылает к образу юродивой Ксении, носившую одежду мужа после его смерти.

Как отмечают исследователи, юродство — акт санкционированный. По дороге к месту расстрела отец Василий будет петь панихиду и вдруг скажет: «Господи, прими душу раба твоего протоиерея Василия, раба Божьего Прокла...» [9: 66]. Следовательно, можно предположить, что священник, которому известна была тайна Мани / Прокла, благословил на подвиг юродивую.

Маню Горелую вполне можно назвать «похабом»²¹. Она активно пользуется бранной лексикой (на месте погребения старого зипуна поет: «На могиле нищий дрищит, / в брюхе ветер, в жопе пар, / приходи ко мне, миленок, вместе вздуем самовар!» [9: 40], «перелицовывает» молитвы («Исцелит тебя святая колода во имя пера, пуха и глухого уха!» [9: 13]), гневно обрушивается на Дусю. Последнее, очевидно, объясняется борьбой с почитанием блаженной, необходимо вернуть окружающих к Богу, поскольку пространство пьесы густо населено грешниками самых разных мастей.

Сюжетный конфликт пьесы связан со столкновением Дуси с Роговым. Однако проблематика произведения представляется более широким охватом. Рогов как яркий представитель «homo soveticus» заявляет о переустройстве мира. Известная доктрина в его устах обретает эсхатологическое звучание: «Все будет общее, все будет новое. Государство будет новое. И земля, и небо новое. А теперешний народ ни на что не годится. Пусть и перемрет» [9: 53]. Трагизм ситуации заключается в том, что построение всего осуществляется на крови, родить новых людей должна гулящая девка, а новое мироустройство лишено духовной опоры — новый мир не нуждается в Боге. Символично, что главную святыню — древнюю икону, о которой в экспозиции произведения сообщает Голованов, — спасает из разграбленного храма именно юродивая Маня. Людмила Улицкая, как видим, в этом отношении продолжает ту линию русской литературы, которая утверждает, что без праведника «не стоит село, ни город, ни вся земля наша». При этом, отталкиваясь от народного восприятия юродства, она одновременно разделяет и связывает Дусю и Маню как носительниц двух важных идей православия — смирения перед Богом и упования во всем на него, а также деятельной защиты всего, что представляет ценность для веры.

Dolgov V. G.

The phenomenon of hollyfool in the artistic perception of L. Ulitskaia (on the material of the play "Seven Saints from the village Briuhov")

Abstract: The present article examines the various aspects of the artistic perception of the phenomenon of «Holy Foolishness» / «Yurodstvo» in Lyudmila Ulitskaya's play «Seven Saints from the Village of Bryukho».

---

²¹ Лексема «похаб» обнаруживается уже в самых древних списках жития святого Андрея (XI-XII вв.), где используется чаще других синонимов, например, «салос», «убог», «несмыслен». По определению В. Даля «похаб» — это человек «наглый и бесстыжий в речах, срамо(скверно)словный, ругательский, поносный». В данной лексеме, как видим актуализируется признак поведения, выходящего за пределы установленных в социуме норм, на основании которого она вступает в синонимические отношения со словом «юродивый». Постепенно, очевидно с XVII века, свое сакральное значение это слово утратило и сегодня «похабным» называют нечто неприличное, грубо-бесстыдное, позорное.

The particularities of the folk understanding of «yurodstvo», on which the author is based, differentiating «the Blessed» from «Holy Fools», are also taken into consideration. The specific features of the play's image system and its ideological and thematic peculiarity are analyzed from culturological point of view.

Keywords: holy fool, blessed person, system of characters, ideological and thematic peculiarity, conflict.

Библиография:

1. Беленсон, Е. *О юродстве во Христе. // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, Т. 8, (август) 1927 г. Стр. 89-98.*
2. Даль, В. *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.*
3. Иеромонах Алексей (Кузнецов). *Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. СПб., 1913. Репринтное издание. М., 2000.*
4. Людмила Улицкая представила в Москве книгу своих пьес «Русское варенье и другое». Сообщение информационного агентства размещено в сети Интернета по адресу <http://www.newsru.com/cinema/20feb2008/ulizkaya.html>
5. *Мироносицы в эпоху ГУЛАГа: Свидетельства. Мемуары / Сост. Павел Проценко. Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя св. Александра Невского, 2004.*
6. *Никакого авторского произвола. Беседовал Александр Вознесенский.* Интервью размещено в сети Интернета по адресу http://exlibris.ng.ru/fakty/2004-05-13/1_ulitskay.html
7. Покровский, Д. *Словарь церковных терминов.* – Sharon, Massachusetts, 2002.
8. *Словарь Древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию.* Издание А. С. Суворина. СПб., 1899.
9. Улицкая, Л. *Русское варенье и другое.* М., 2008.
10. Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1996.*
11. Черных, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1999.*